

Александр Злобинский

Зеркало Эвтерпы

Александр Злобинский

Зеркало Эвтерпы

Кто Вы?

- Кто Вы?
- Я - поэт.
- Что это значит?
- Я ищу слово, чтобы описать мир.
- Но разве это возможно?
- Наверное... Ведь, насколько мне известно, мир и есть - Единое Звучащее Слово!..

Зеркало Эвтерпы

В сердце каждого зеркала живет зеркало мира,
В нем отражаются не формы, а суть вещей.
Я как-то взглянул туда в надежде увидеть лиру,
А увидел раздвоенную дудочку и множество мелочей.

И я придумал игру – собирание мелочей,
Не здесь, а там, в самой сути зеркал.
А у каждой мелочи оказалось сердце девушки
И неизъяснимо воздушная и трепетная душа!

И случилось так, что, собирая мелочи,
Я дудел в дудочку что было сил.
А выходила мелодия, не по-земному нежная,
Там, в серебряной глубине зеркальной души!

И мелочи в моей коллекции,
Такие живые и счастливые существа,
Неожиданным образом слились в одно большое сердце,
Но уже не в зеркале, а внутри меня!

И с тех пор я по свету странствую,
Дую в дудочку о двух рожках,
А два сердца моих поют, и радуются,
И отражаются бесконечно в людских зеркалах!

А там они еще дробятся, и множатся,
И разлетаются, словно солнечные зайчики по весне!
А мне от этого смеяться и плакать хочется,
Так светло и счастливо хочется плакать мне!..

Вот и получается, что я запутался:
Где же зеркало мира, а где обычный мир?
Не беда: придет утро – разберусь утром я,
А пока поиграю на дудочке до зари!

И поброжу и по зеркальным, и по обычным улочкам,
Размышляя, что поэзия, да и суть вещей,
Наверное, и есть та самая раздвоенная дудочка
И счастливое сердце всяческих мелочей.

Fonseca / Jazz from within

My world is breaking into golden powder!..
Sparkles're hovering like dragonfly fairies,
And the wind of Jazz in the slit of my throat
Blows out the sun behind the string of the spine!

My eyes are alive with the sunset and the sunrise.
The double bass, like a ladybug, is creeping onto the leaf of night...
And the cymbals, those tiny lilymoos,
Are shivering silence: D-C-E-C-A!

My hair is grey and my heart is a shell of silence...
What is Love but golden powder?!
Piano keys are droplets of pearls
Scattering air: D-C-E-C-A!

Where is my beloved? Whisper is echoing her steps!
The tambourines are bizarre eggs from the pelican dreams!
The pollen is still quivering in her trails!
I'm blowing the sun out: D-C-E-C-A!

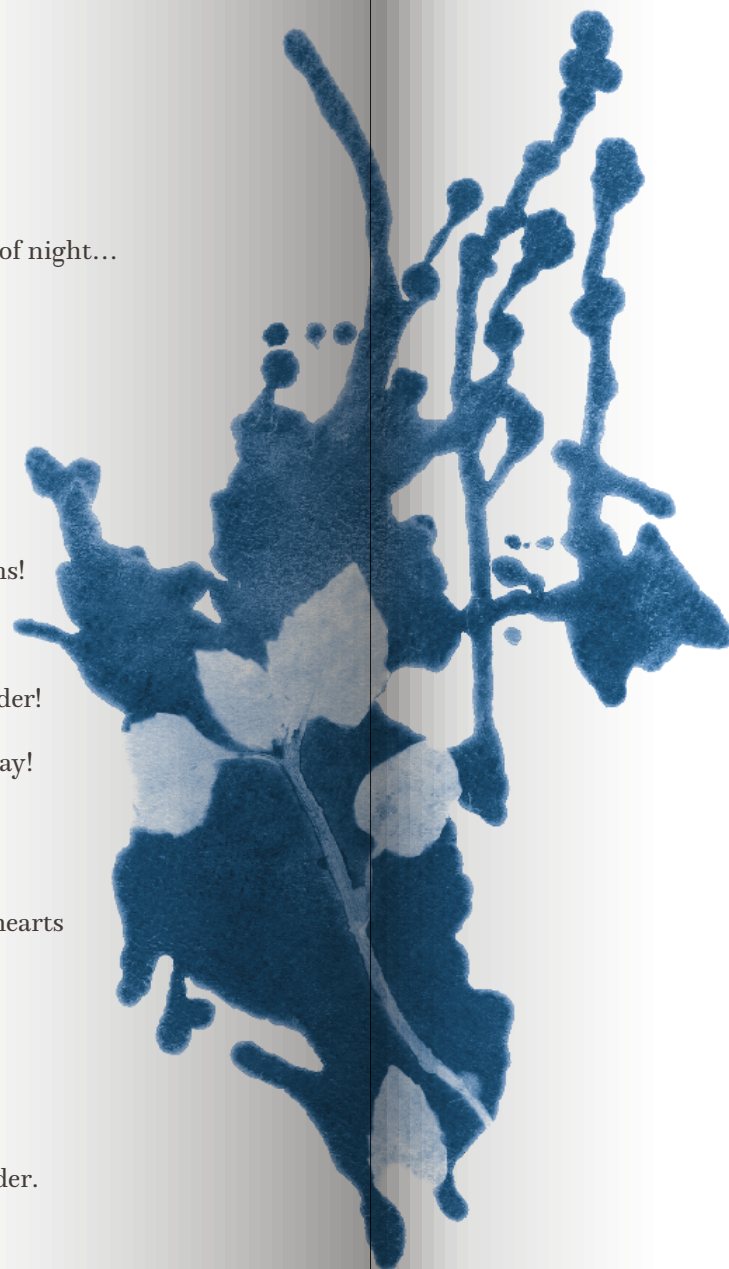
Could someone help me? She's breaking into golden powder!
My air used to be her castle... but in vain!
How many names did she once have? They are blown away!
Hey, bring the mirrors, let me look beyond!

Let me soar past the silver of the cloud lining,
I'm not the moon, but I could reach for it!
Though I'm blinded with the mirrors, yet their heart of hearts
I would keep singing D-C-E-C-A!

D-C-E-C-A! My heart has broken into golden powder,
Yet the cups of the tea blossom retain its shape!
Call the butterflies to collect the pollen!
I'm blowing the sun out as much as I can!

My memory was just here... but turned into golden powder.
Get the mirrors! Let them breathe from within!
A hundred suns were blown in the slit of my throat...
All are but golden powder!..

A
C
E
C
D...

Fonseca / Jazz from within

Мой мир рассыпается в золотую пыль!
Опадают блески, как с крыльев феи стрекоз!
В моей гортани джаз за ниточкой позвонков
Выдувает солнце изо всех сил!

Две зари в глазах! До-ре-ми-фа-до...
Контрабас божьей коровкой крадется в ночь...
И медные тарелки, как кувшинки лун,
Серебрят тишину! До-ре-ми-фа-до!

Голова седа, сердце – раковина тишины!
Что такое любовь, как не золотая пыль?
Рояль в десять жемчужных слез
Рассыпает мне: До-ре-ми-фа-до!

Где моя Женщина? Слышу поступь ее!
Тамбурины – как диковинные яйца из пеликаньих снов!
На следах ее еще дышит пыльца...
Выдуваю солнце: До-ре-ми-фа-до!

Помогите! Она рассыпается в золотую пыль!
Мой воздух был когда-то ее дворцом!
Сколько было у нее имен – ветер развеял их!
Принесите же зеркала, дайте мне заглянуть вовне!

Дайте мне пролететь за пределом моих облаков!
Я не луна, но могу потянуться к ней!
Пусть я слеп зеркалами, но изнанку их
Я и там пропою: До-ре-ми-фа-до!

До-ре-ми-фа-до! Мое сердце рассыпается в золотую пыль!
Пусть чаши чайных цветов примут форму его!
Позовите бабочек, они смогут собрать пыльцу!
Выдуваю солнце изо всех сил!

Моя память была, и вот она – золотая пыль!
Принесите же зеркала, пусть они дышат вовне!
Десять тысяч солнц и ниточка позвонков –
Золотая пыль:

До
Фа
Ми
Ре
До!..

Просто о простом

Что за явление всеобщее интернетство?
Многие говорят – ловушка для серого вещества!
А мне думается, что это детство,
Только не человека, а человечества!

А вдруг человек – это всего лишь клеточки
Какой-то еще несозданной Красоты,
Какой-нибудь немислимой вселенской веточки,
Распускающей огненные цветы?

Или, скажем, все племя человеческое –
Это суть какого-то будущего Творца!
Да и какая разница?! Ведь перед ликом вечности
Творение и есть та же самая Красота!

И пусть сейчас наша цивилизация
Скорее похожа на плесень или грибок,
Все-таки когда-нибудь, может статься,
Из нее выпестуется настоящий Бог!

И тогда таланты его всякой клеточки
Будут использованы по надобности чудес,
И для первого дня творения привлекутся светочи,
А для последнего, наверное, мракобес.

Но способность вливаться в Единое
И от каждой клеточки проводить Любовь,
Очевидно, и есть то самое необходимое,
Чтобы из «плесени» превратиться в «кровь»!..

И вот я сижу в интернетном царстве
И размышляю про Сефиротов <клик>,
А появляются Патанджали, Блаватская,
А за ними азийский старик...

И так, по мере кликанья,
Возникают вдруг
Сияющие лики
И Единый Круг!

Ко Дню защитника Отечества

Москва, начало XXI века

Кто не свят, защищая родное Отечество?!
Пусть погиб, но не отдал и пяди земли!
Человек Человека убил: человечество
Убивает себя под слова «Возлюби...»!

Разве можно понять, кто же прав на погосте?!
Ведь защитник врагу приходился врагом;
Ведь защитник захватчиком стать может, просто
Не увидев границ под своим сапогом!

Кто же прав в этом вечно запутанном мире,
Где для всяческой лжи есть правдивая роль,
Где защитник – всего лишь деталька в машине,
Приводимой в движение бесовской игрой?!

Правота?! Где визжат и кривляются бесы?!
Разве Истина зрима в безумной игре?!
Вот и носят на теле намоленный крестик,
Как священную дань подчиненья судьбе,

Как надежду, как знак, что хоть кто-то помянет,
Что, коль нужно испить эту чашу сполна,
Все ж Господь – есть Любовь! И отечеством станет
Им не горстка земли, а планета Земля!

Белый век

Я вхожу в белый век, словно луч в горизонт,
Словно белое солнце в восходы,
Словно мудрость в весну, или птица в отлет,
Или смерть в обновенье природы.

Вот в соцветье мгновений венец красоты,
Недвижим в уплывающем веке...
Все, что было со мной, исчезает, как дым:
Я вхожу в свою белую вечность.

Отчего же любовь в белом сердце моем
Пробивается больно и странно,
Будто свет очага через иней окон,
Будто кровь сквозь ожившие шрамы?

Отчего седина белых песен моих
Торжествует, как снег над полями?
Отчего так светлы отлетевшие дни
В серебре моих нежных печалей?

Отчего ж одиноко я, как белая ночь,
Что в бессоннице плачет по звездам,
Как в движенье воды темный шпиль позолот
Под холодным тумановым флером?

Отчего мой полет закружил, словно лист,
Увлекаемый в танце метелью?
Отчего белый зов так хрустален и чист,
Будто смерти и нет в самом деле?!

Отчего, отчего?! Отчего... отчего?..
Отчего в беловодье исхода
Бесконечное белое солнце мое
Так мучительно тонет в восходах?!

Сутры о притяжении

Если соединить вместе все сны человечества,
получится один огромный человек...
Это Адам Рухани, небесный Адам...
Так же как ваша душа на дне держит тело,
так и Адам Рухани, третий ангел,
на дне своей души держит
Вселенную...

М. Павич. Хазарский словарь

Какова связь между Сыном и Солнцем?

А. Бейли. Трактат о Космическом Огне

Гравитация – средство духовной эволюции
во Вселенной.

ЗЛБ

Отчего же Адама Рухани разъяли на части?
Между сутью земли и небес не проложишь межи.
У мужского и женского есть ли различие в счастье?
Или пол у Души?

Инь и Янь кто-то видит как круг, разделенный в два тона.
Как проявлен объем в человеческом слове «Душа»?!
За пределом кольца, стерегущего плоскость дракона,
Человек – это шар!

Что кладется в пределы ему меж рождением и смертью?
В помраченье ума каждый пьет свою чашу до дна!
Ложь – всего лишь призыв к одиночеству сердца,
Притяженье – судьба!

С поцелуем полощутся сизые крылья ангела страсти...
Козлоногие паны с тоскою дудят в камыши...
Люди движимы в пары ущербностью счастья,
Страсть – это бред Души!

Но как хрупки крыла и печально небесное имя,
Где парит Азраил, чтобы таинство круга свершить...
Совершенство есть огненный миг пробуждения Сына
В самом сердце Души!

Притяженье земли непостижно в гордыне науки,
Видно, в знанье таится незнание: планета – есть Бог!
Разве мать и дитя не едины в невидимой сути?!
Притяженье – Любовь!

И Адамова часть, или попросту тень на планете,
Высветля себя, устремляется к вышней из грез!
Ибо Свет не способен стать мертвой тенью от Света! –
Притяжение звезд!

Сутры о божестве

Величайшая победа — победа над самим собой.
П. Кальдерон

У нас в прихожей зеркало очень любит ловить облако,
А ночью балуется с мерцаньем планет.
Если смотреть краешком глаза, а не во все оба,
Свидетельствуешь, что реальностей становится две!

И, следуя логике Аристотеля, ищешь ответа,
А не таится ли в зрении, да и в любом ощущенье, обман?
И зеркало кажется якорем неба,
Застрявшим в плоскости амальгам.

Меня спросила дочь, читал ли я Трипитаку,
Коли мне давно уже близок буддизм.
А я ответил, что Моисею с плитами
Тяжело было спускаться с Синая вниз;

Что между знанием и единством стоит знак тождества;
Что кантовская «вещь в себе» означает не скорлупу, а суть;
И весь процесс познания — это просто открытие божества
В глубине себя, сквозь облипшую муть!

Что время — один из приемов Бога ограничить пространство;
Что жизнь и смерть — это всего лишь маленький круг,
Всего лишь миг в бесконечном вневременном странствовании
Нашего собственного божества, обретающего собственный звук!

И что на человеческом языке невыразимо Творящее Слово,
Что знание мгновенно, а судьба — это мера вещей!
Что страдание — это средство найти основу,
А опыт — путь, пройденный к самому себе!

И наши чувства — это серебряные зеркальца на планете,
И сердце непознанного зовется судьбой,
И не величайшая, а единственно возможная победа на свете —
Это победа человека над самим собой!

Воронежская история

*А душу-то забыли!..
Из уличного разговора*

Они прилетели, белые мухи Воронежа –
Большие белые мухи вчерашнего дня!
Они облепили скверы, засугробили площади
И засахарили крендель старинного фонаря...

А вчера целый день они незримо висели над городом,
Над горбатым мостиком праздника и людской суеты,
И глазами, прозрачными, как воздушные глобусы,
Вычитывали обычаи здешней тоски.

И качались, качались, и их прибывало множество
Из глубокого космоса, из немислимых далей комет!
Над убогим, скудельным, советским Воронежем –
Огромные белые чуда космических перемен!

Ну а нынче они, эти белые мухи Воронежа,
Налетели на город в своем кружевном полусне
И, согласно законам Вселенной и их невозможности,
Перепутали небо и землю краями мохнатых кистей.

И небеса хлынули откуда-то из комнаты,
Из подпола, крысиных нор, из портретов никчемных вождей!..
Они ворвались могучей крылатой симфонией,
Томившейся в забвении Баха и бетховенской глухоте!

И действительность очнулась от извечной немоты
И запела упоительно на все лады!
А небеса продолжали сыпать бесконечные ноты
Большими мохматыми мухами ангельской белизны!

И в кружении улиц, и покосившейся церковки,
И бездомных собак, почуявших отчего-то рай,
Люди в способность летать неожиданно уверовали
И стали покидать бушующий воронежский океан!

И, предвосхищая грядущие странствования,
Они вдруг вспомнили об одной и той же забытой мечте!..
И возносили ее, как измученные лебеди Андерсена
Свою единственную девочку с золотой короной на голове!

Случай по Лао Цзы (цитема)

В мыслях и намерениях освободайся от мыслей и намерений...*

То, что еще не родилось, принимает любую форму...*

Способность замечать незаметное называется ясность...*

Истинное деяние осуществляется постепенно, как бы втайне от себя самого...*

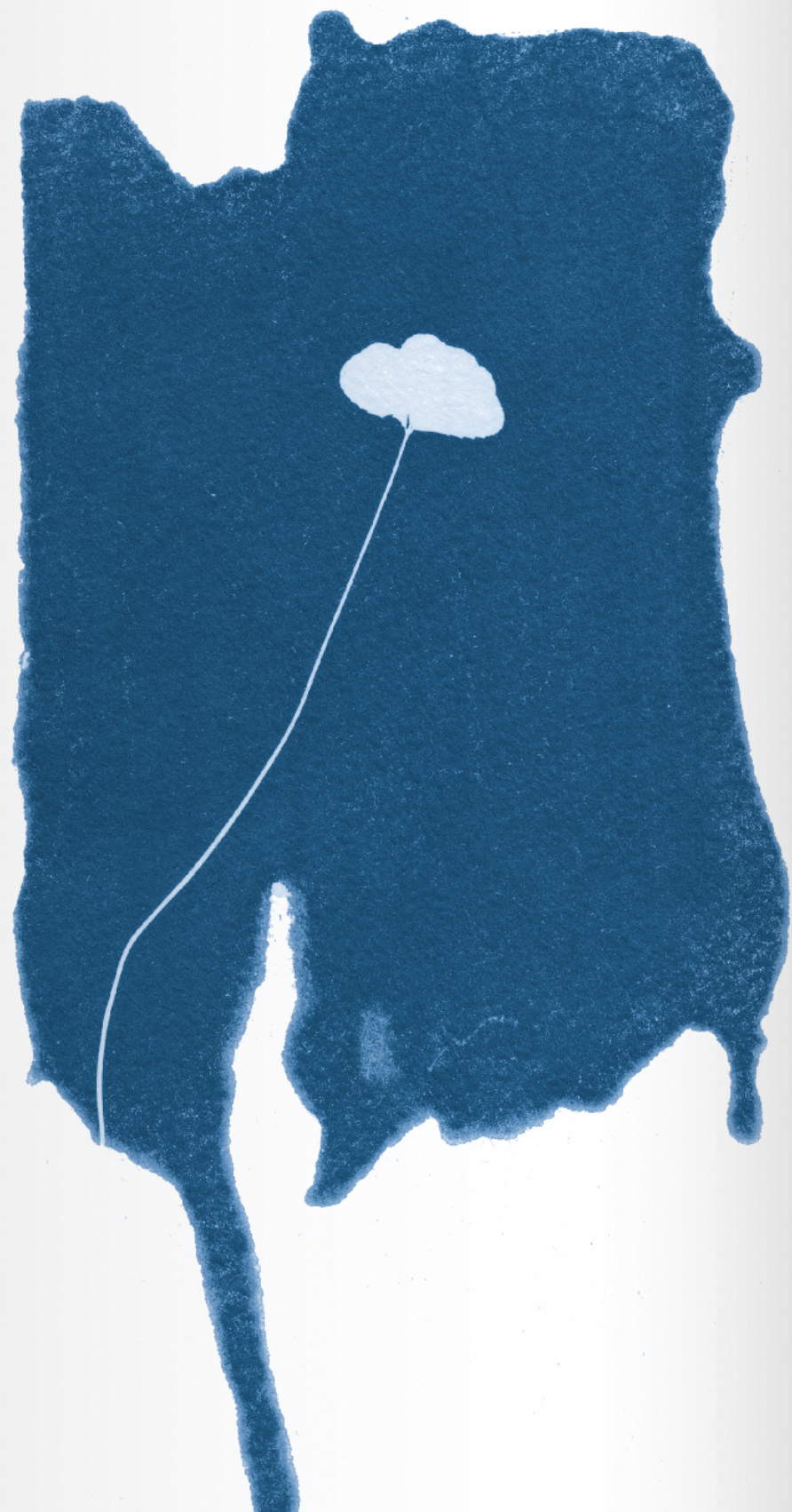
Изменения – это то, что приходит не сразу, но как будто само собой...*

Лучшее правило в жизни – не строить планов...*

Вот какой план нового стихотворения составил незаметно для меня самого!

* Лао Цзы. Дао Де Цзин. /М.: Новолуние, 1996. Предисловие И. Свиридова.

Чтобы дать определение искусству...

Нужно всего лишь найти точку отсутствия судеб
Там, где начало содержит конец,
Суть жаждет познать форму,
А притяжение вверх и гравитация – одно и то же.

И едва ухо уловит мировое эхо,
Кожа – ощущения зеркала,
Зрачок обратится внутрь и укажет место вовне,
Вкус Истины станет мгновенным,
А имя Бога запахнет Домом –

Родится вдохновение.

Время раздвинет пространство,
Притяжение вниз отольется формой,
А притяжение вверх – сутью...

Примерно так рождается капля росы.

И чтобы это назвать,
Нужно всего лишь найти точку отсутствия судеб...

Сиринге

Научи меня травам высоким и пряным
Под полынной, исполненной тенью луной,
Где среди стрел остролиста и дремлющей мяты
Обретает туманы озерный покой,

Где мерцает улыбка поющего бога,
Где игрою ветвей различён силуэт
Желтоглазого зверя полночной породы
Или промельк крыла в оксамитовой тьме!

Научи меня трепетам утренней ивы,
Научи меня ветру серебряных трав!
Посвяти меня в буйство распущенных лилий
Или в тайны, что нежит в бутоне тюльпан!

Вознеси меня к гроздьям воздушных акаций,
Чтоб стекал я по капле в их ампельный сгиб,
Чтобы, вторя их сокам, гудеть и качаться
В белокипенных чашах и кистях тугих!

Научи меня тяжести спелого плода,
Притяженью охряной осенней поры,
Чтобы имя свое мне открыла природа,
Чтобы приняло тайное лоно земли!..

Чтобы смог я изведать, хотя бы касаньем,
Невесомым, как в осень сорвавшийся лист:
Всякой встрече положено стать расставаньем
В этом узком кольце, именуемом жизнь.

И пусть вера моя будет крепка и свята,
Что иду я своею, неторной тропой,
Где среди стрел остролиста и дремлющей мяты
Обретает туманы озерный покой!

Поцелуй

И мир качнулся, отлетая,
И я, зажмурившись в ответ,
Вернулся веточкой миндальной
В забытый вешний первоцвет.

Какою вышнею капелью
Мои умножились мечты,
Какие росы зазвенели
В туманах брезжущей зари!

И как печально отозвался,
Очнувшись, золотой бутон,
Как будто знал, что грезы властны
Недолгой вешнею порой...

Но было тонко и воздушно
Касанье бледных лепестков,
Как будто сотканных из кружев,
Как будто явленных из снов!

Была хмельна кора и пряна,
Вобрав дыхание полей:
Печаль лаванды, яд тимьянов
И трепет диких ковылей...

Так невозможно долго длилось
Мгновенье – вечности длинней!..
И, Боже мой! какая сила
Таилась в нежности твоей!

Осеннее письмо

Ну как вы живете, моя дорогая принцесса?
Над кем осыпается нынче золотая пыльца?
По-прежнему ль светел ваш лик и все так же прелестны
Хранящие вашу скользкую тень зеркала?

Уж минуло лето, как ветер разнес наши зори.
Уж осень укутала память в туман и постель.
Чем нынче печалятся ваши зеленые взоры
Бездонных и ясных, как звездное небо, очей?..

Мне грустно без вас, о моя дорогая принцесса!..
Наверное, грусть – это тоже любовь, но без крыл!
Наверное, грусть – это тихая песня опавшего леса
О синих садах никогда не наставшей весны!

Нам выпало счастье в торжественном шествии ночи
Дотронуться сердцем до краешка таинств луны!
Но ветер времен или горестный рок одиночеств
Все ж выбросил нечет на серое поле судьбы...

И как вы живете теперь, о моя дорогая принцесса?!
В разладе с собой и в согласье со всем остальным?!
Что шепчет вам сердце, заслышав ту самую песню
О синих садах никогда не наставшей весны?

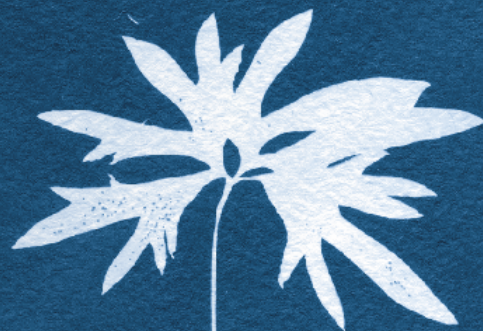
Вы юны и нежны, и счет ваших дней мимолётен,
И пламя желаний воздвигло окрест маяки!
Но где-то далёко-далёко крадется туманами осень,
А счастье трепещет на краешке тонкой свечи...

Мне трудно писать, о моя дорогая принцесса...
Наверное, боль – это скрипки ушедшей любви,
Наверное, боль – это то, что осталось на скрестье
Недолгого счастья и властного зова судьбы!

И я уплываю от вас в свою позднюю осень
По черной реке, по коврам золоченой листвы,
Где ждут меня луны прозрачней, чем звездные очи,
И горше, увы, чем прощальное ваше «Прости!»

Я вам отпускаю наш грех, дорогая... не плачьте:
Я грезил о вас, и мы верили в вещие сны!..
Наверно, любовь не случается как-то иначе,
Чем в синих садах никогда не наставшей весны!

Прощайте, прощайте, прощайте, моя дорогая!
Ищите в туманах единственный пламень свечи!..
Храни вас Господь на пути к тому самому раю
Средь синих садов никогда не наставшей весны...

Наташе Ростовой

Наташа Ростова, какая Вы дура!
Ах, ангел Вы мой неземной!
Какая беда Вам на ушко шепнула
Тогдашней московской зимой?!

И дивный сонет, что Вы петь так умели,
И вальс на том самом балу
Как сердце не вспомнило, как не пропело
Ту близкую Вам высоту?!

Я знаю, причиной всему была нежность,
Взлеяна Вашей мечтой
И девичьей страстью, чтоб сбылись надежды,
Чтоб даль увлекла за собой.

И кто-то... Ах, кто-то – всего лишь обличье,
Всего лишь фонарик пустой...
Как Вам не терпелось средь скуки столичной
Наполнить свеченьем его!

Ах, кабы фонарик – а то лишь скудельный,
Дырявый, негодный сосуд!
Увы, ослепление свойственно девам,
Чьи сердца как птички поют!

Искали фонарик? А яркость иную
В груди сохранить не могли?!
Наташа Ростова, какою же душой
Тогда показались мне Вы!

И князю Андрею, и мне было горько,
Что Вас не вернуть никогда, –
У истинной чести граница так тонка,
И трудна ее высота!

И, видно, отпущено всем нам по мере,
Которую можем вместить!
И Вам не достичь было князя Андрея,
Увы, никогда не достичь!

Когда ж в эпилоге по грязным ухабам
Мы с Пьером доехали к Вам,
Мне страшно признать: Вас в обычную бабу
Уже превратила судьба!

И здесь мне открылась великая правда:
Мы – щепки в ладонях судьбы!
Наташа Ростова, ах, так нам и надо!
Какие ж мы все дураки!

У влюбленных есть ноги и руки,
у влюбленных смешные носы.
Они тыкаются ими, когда целуются,
и первыми слышат запах приходящей весны!
А вообще-то влюбленные бесплотны,
они воздушны, как Господень рай!
Они струятся по вечерней заре, а по утренней –
долго нежатся и глядят в голубую даль...

Можно не вернуться обратно,
если случайно проследить их взгляд,
А они, по правде сказать, незрячи:
неуклюже ходят парами и спотыкаются обо все подряд.
Но их воздух пахнет сандалом,
и, как в сказках Гауфа, чудесами наделена их жизнь:
Они дышат снами, живописуют туманом
и взлетают аистами в головокружительную высь!

Ах, как хрупко такое блаженство –
дайте яд одиночества, он так нужен им!
В этом их одиночестве – какое самозабвенное творчество
и какая возвышенная метаморфоза души!
Разлучите их в этой космической соединенности,
в этом зеркале двух слитых сердец! –
И свет узнает еще одного Шекспира, Петрарку,
Пушкина или, скажем, Шарлотту Бронте.

А в этом их притяжении и взаимном отталкивании
явлена такая магнетическая и волшебная связь,
Что даже фундаментальный Гегель со своими фолиантами
засмеялся бы и, как облачко, уплыл бы, смеясь...

А как они обижаются, или тревожатся,
или отчаиваются на века!
В этом есть какая-то мировая глупость
и беспечность порхающего мотылька!
И конечно же, они сумасшедшие:
взять такой восторженный и бесконечный мир
И ограничить всего лишь друг другом,
пусть даже во имя самой высокой любви!
В этом сквозит человеческая гордыня, узость, эго,
вывернутый наизнанку миг!..

Но как прекрасна золотая нить,
связывающая именно этих двоих!..

Да, в замыслах Бога нет места человеческой мысли,
да и возможно ли ей там быть?!
Но, Господи, как все-таки она сияет,
эта дивная золотая нить!..

Рижская колыбельная

Слышишь, над дымоходом
Звезды кружат в хрусталике ночи!
То серебряный вальс трубочистов
Заблудился меж флюгерных строчек,

То луна, покотившись по крышам,
Еще грезит в прозрачной дремоте,
То чердачные тени, очнувшись,
В голубином взмывают полете!

То невидимый ливень примерил
Одеянье шуршащее кружев,
То серебряный вальс каблучками
Одиноких фонариков кружит!

То мой город – горбатый шарманщик –
Шарит сны в закоулках глубоких
И огромной шершавой ладонью
Рассыпает горошинки окон!

И серебряный вальс трубочистов
В черепичный звенит колокольчик,

Чтобы смежились тихо ресницы
И раскрылись лунные очи...

Внизу

*Что вверху, то и внизу.
Один из принципов герметизма*

Порезал руку:
Кровится рана,
На память - шрам...

Влюбился в куклу:
Торги, обманы -
Кровит душа...

А кукле проще?
А кукле легче,
Хоть и черства?!

Ей просто жестче,
Ей просто мельче
От равнодушия!..

Но все, что было
И быть могло бы,
Хоть срам, хоть храм,

Уже забыто,
Уже не гложет...
На память - шрам!

Кружится новогодний снег
И чуть звенит в морозной выси,
Как будто ангельские письма
Слетают с золотых небес.

В круженье снежного листа
Сокрыто таинство от века:
Играет крошечкою снега
В ладонях бережных судьба

И заплетает кружева
Старинной палочкой еловой.
Как призрачны ее обновы...
Но как пленителен обман!..

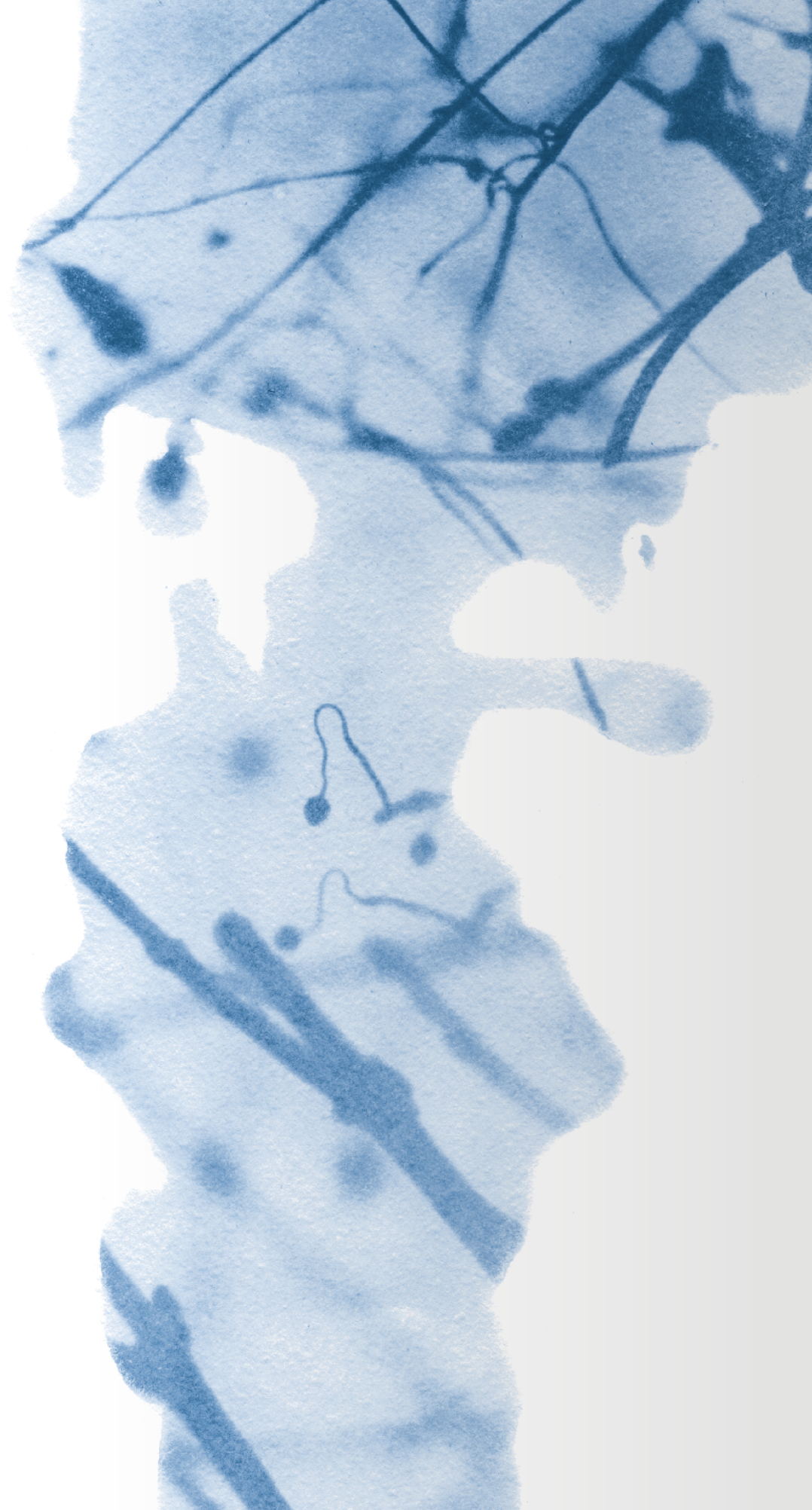
Кружится новогодний снег,
И мы с тобой вослед кружимся,
А сердце маленькой снежинки
Рыдает на твоей руке.

Есть дар тепла у синих льдин,
Есть вес у самой легкой жизни:
Слетают бабочки-снежинки
В узор таинственный судьбы

И обнимают за плеча,
Как трепет позднего свиданья,
Как воздух высшего посланья,
Как чьих-то крыльев писемна.

Весна зимой!.. В стекло капли
Обряжен лес, согбен и свят!
Мы оглянуться не успели,
А нам уже за пятьдесят!

Но что грустить?! Исчезла глупость,
Слетела пена пышных дней!
В свои права вступает мудрость...
Как будто с нею веселей...

Метта к неверности

Доколе царь был за столом своим,
нард мой издавал благоволие свое.
Песнь Песней 1:11

Получив прозрачный намек о своей ненужности
(Большое спасибо, сударь... Благодарю Вас, дама!),
Я практикую воспитание дружественности,
Или, по-буддистски, – метта бхавану...

Сказать по правде, у меня всегда были трудности,
Поскольку следовало представить врага
Для воспитания к нему чувства дружественности,
А врагов всё не было... Зато теперь, слава Богу, – два!

Конечно, не в смысле вражды, не для мести, иль ненависти,
Или другой такой ерунды из кинобоевиков,
А просто для ассоциации с людскою мелкостью,
Обворованным домом и сиростью нищих садов.

И, наверное, связь со всей этой «роскошью»
Следует изжить, уж коль туда влип!
И искренне поблагодарить Вас за уроки обыденной пошлости,
Ибо всякий полет все же следует приземлить!

Приземлить, ибо нежность во Имя Святыя,
Ибо нард, и аир, и шафран, и мирра с перстов,
И глаза голубиные, и лунные клятвы
Умещаются коротко в слово Любовь!

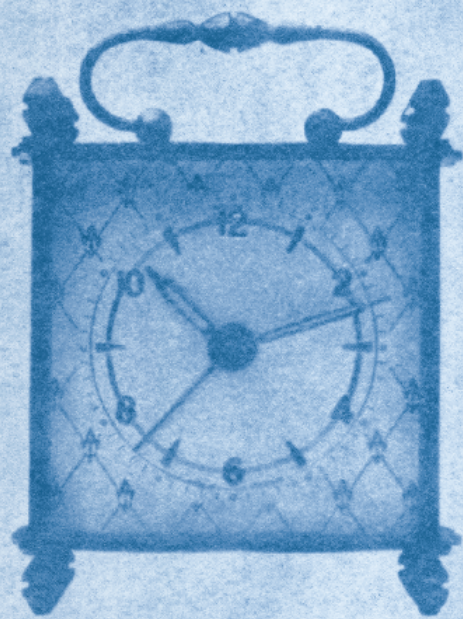
Ибо узреть в ее имени Имя Божие
И сердечной дрожью его объять
Человеку выдержать вряд ли возможно,
Разве что на мгновение...
чтобы снова искать!..

Чтоб искать, как в бреду, сокровенные светочи,
Чтобы боли бежать и наткнуться на боль,
Принимая за счастье какие-то мелочи
И рыдая в ночи: «Да простит меня Бог!..»
И закончить хвалой человеческой немощи!
И смириться, что нищ человеческий круг,

Если б только Любовь не сулила бы вещей
И священное таинство избавленья от мук!..

Что ж?!. Всего и осталось, как благословить Вас на поиски:
Предавайтесь веселью, практикуйте тантру, следите волну,
Крутите молодость!.. Но все-таки не носите чужие обноски!
Играйте в жизнь, но все-таки играйте в свою!

И как сказал Господь: «Плодитесь и размножайтесь!»
И когда, не дай Бог, в Вашем крове почудится брешь,
Мой совет: не забудьте про метта бхавану, пожалуйста...
В домашнем хозяйстве это – наипервейшая вещь!

Портрет одного захолустья

...Отмеряет мне щедро вина виночерпий,
Только чаша вмещает, что может вместить!
ЗЛБ

Ходит старьевщик по пустынной площади
И обывателям в окна кричит:
«Меняю человеческие чувства на ваши сокровища,
Посмотрите, какими диковинами мешок мой набит!»

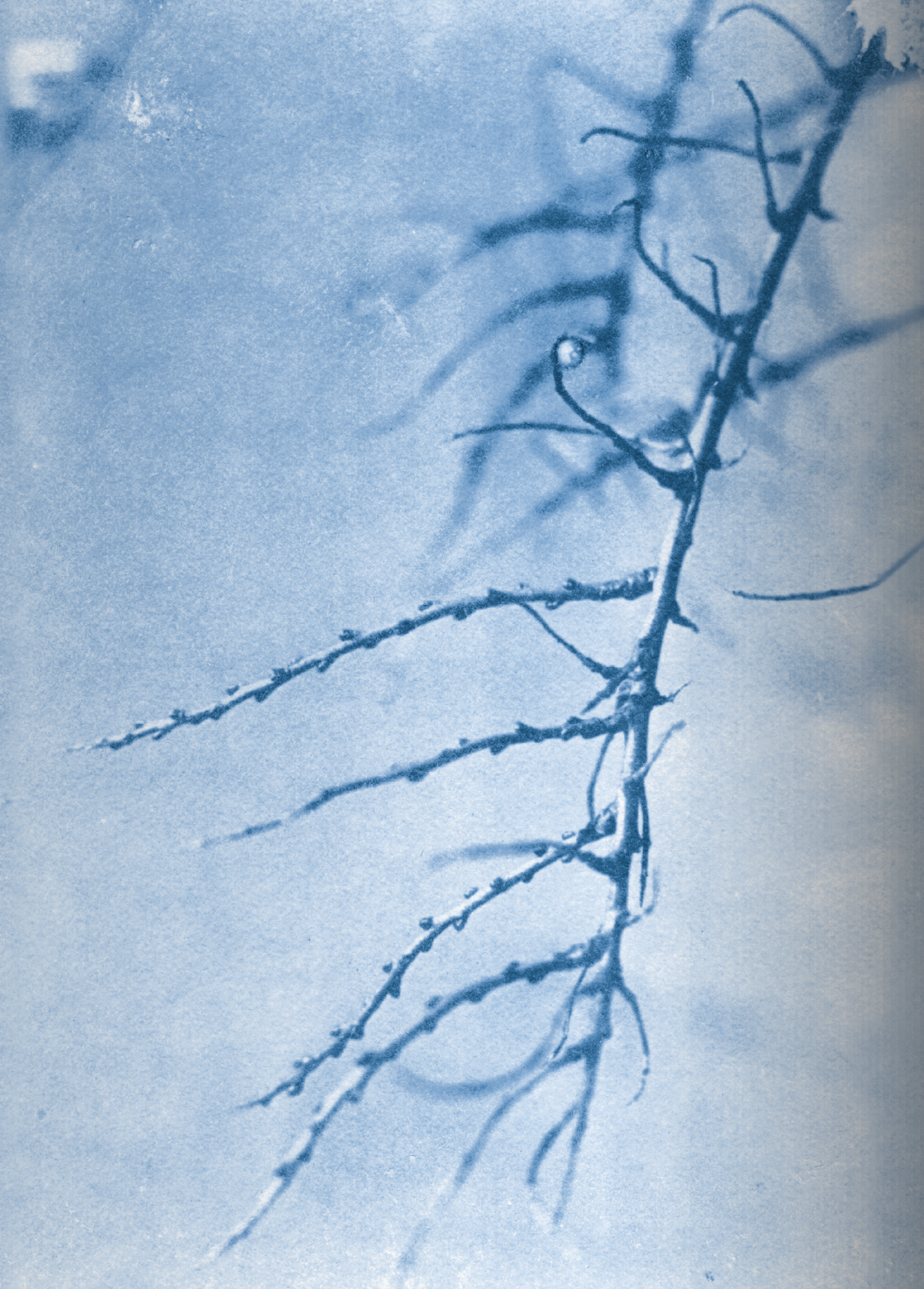
А ты сидишь у окошка и страдаешь от скуки,
Потому что скука – это зеркало внутренней слепоты,
А слепота происходит от лени духа,
И, в сущности, от этого терзаешься ты!

А тут как раз и проходят старьевщики
И предлагают всякую всячину из папье-маше.
А как распознать, где фальшивое, а где стоящее,
Если только скука живет у тебя в душе?

И, достав свои медные грошики,
Ты меняешь их на что попало из того мешка.
Иногда достается что-то действительно хорошее,
Но чаще никчемная дешевая мишура.

Но разве это важно тебе, за окошком,
Когда ты и жива лишь тем, что старьевщик подал,
Да еще, наверное, звоном своих медных грошиков
О дно его пустого старьевочного кошелька.

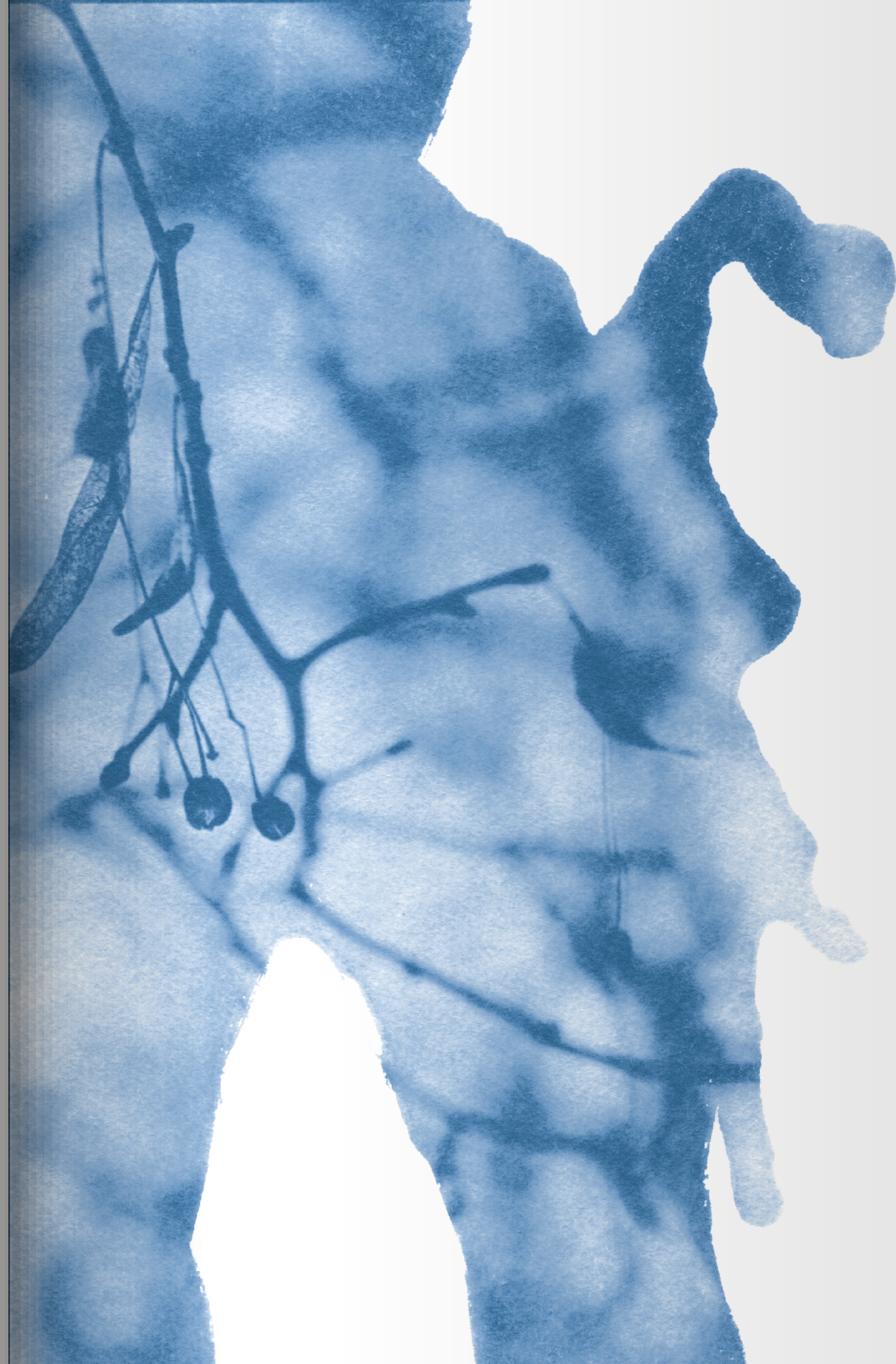
И конечно, жить тебе так много проще –
Не задумываясь, за окошком проживать свой век!
Потому что скудость духа – твое сокровище,
А слепота или скука, наверное, – оберег.

По случаю первых продаж моей книги

Меня разменяли на медные грошики –
Такой парадокс мне никак не понять...
Хотя... и в природе есть вещи хорошие,
А нам только дай их на грош разменять!

Жало боли – желание,
Особенно в эговерцах!
А я вижу тебя туманами
Вокруг моего сердца!

*На стихотворение Н. Кикениной
«Грусть всегда...»*

«Грусть всегда вперемешку с радостью».
Расстаемся, чтоб снова встретиться.
И сквозь слезы все время кажется,
Что глаза наши счастьем светятся.

Об искусстве

Дать определение искусству можно
только произведением искусства.
ЗЛБ

Однажды мне привиделся сон про искусство:
Люди высыпали на площадь и каждый валяет свое!
А Господь прохаживается и выражает изустно,
Что ему нравится, а что дерьмо!

И сыплет он эдакими фольклорными выражениями,
И любит каждого, несмотря на семь христианских грехов!
Но искусство выбирает из эгоистических соображений,
Хотя Великое Эго имеет абсолютное право на то!

И вот он разглядывает мое стихотворение,
Улыбается и говорит: «Хм!
Пожалуй, это похоже на духотворение –
Используем для будущих духопозм!

Ибо искусство – речет Господь, – не просто форма!
Форма – это тлен чувства, и ее не сберечь!
А искусство – это фотография духовного,
Или, фигурально выражаясь, обожествленная вещь!»

Как ясен луч мужского зренья,
Провидя суть сквозь тьму времен,
Но трепет женского сомненья
Лежит вне времени его!

Сравненья – прочь! Иной порядок
Стиху отметить суждено:
Осенний плод налит и сладок,
И вечна косточка его!

Вечный романс

Очнешься от сна золотого
И счастливо сходишь с ума,
В цветных кружевах прожитого,
В плену у грядущего сна...

Но жалобно взяли аккорды
Звучанье нездешней тоски...
Любовь - это бабочка Бога
В круженье осенней листвы!

Желание - вестник утраты...
Сомнение - эхо страстей...
Уж ветер сметает крылатый
Златое убранство с полей...

Очнешься от сна золотого
И медленно сходишь с ума,
В туманах больных прожитого,
В плену у грядущего сна...

А что, как надежда нашепчет?!
А что, как привидится вновь
Любовь, эта бабочка ветра,
Слетевшая с вышних миров?!

А нежность воздушна, как лето!
А сердце нежнее зари!
И утренним солнцем пригреты,
Так сладко поют соловьи...

Очнешься от сна золотого
И счастливо сходишь с ума,
В цветных кружевах прожитого,
В плену у грядущего сна...

Credo

Воздухоплаватель, представьте,
Совсем не летчик, не герой;
Воздухоплаватель – мечтатель,
Соединившийся с мечтой.

Воздухоплаватель струится,
Он вдохновенно невесом.
Воздухоплаватель – не птица,
Он просто в воздухе таком.

Воздухоплавателя трудно
С земли приметить в вышине,
Ведь он всего лишь малый купол
Под куполами вышних сфер.

Он будто капелька в пространстве,
Впитавшая его красот.
Он – перышко нездешних странствий,
И им живописует Бог...

А мир людской не замечает
Письмен трепещущих его:
Воздухоплаватель – печальный
Пророк в отечестве своем!

Его прозрачность с небом слита,
Она же суть его шары!
Воздухоплаватель – молитва
О вознесении земли.

И он давно уже не внемлет
Обману плотских миражей.
Воздухоплаватель объемлет
Весь мир воздушностью своей.

И глубь небес – его обличье,
И одиночество – удел,
А сердце – шар: таков обычай
Воздухоплавательных дел.

Плывут шары, и глобус чуда
Глядит сквозь них на белый свет,
Где вознесенный, словно Будда,
Воздухоплавает поэт!

И. Н.

Меланхолия круга...
Обретение раковины...
Обреченная звуку...
Наважденная страхами...

В пустоте – трещина...
В струне – колокол...
В слепоте – вещая...
Притяженная облаку!

Тень мнимого...
Плод воздуха...
Боль зримая...
Свет – гроздьями...

Блеск внешнего...
Грех вышнего...
Даль вешняя...
Чернокнижие...

Клеть вечности...
Плоть времени...
Кровь Вечери...
Рок бренного...

Нескончаема в круге...
Восковая в пламени...
Неудержная в муках...
Непостижная в храме...

Огненная!
Трепещущая!
Зеркальная, словно лезвие!

Вот такая поэзия – женщина!
А женщина – поэзия!

Романс

Нине и Маше из квинтета «Бархатный сезон»

В темном бархате заката, в белом бархате сирени
Так воздушно, так немодно в оголтелый черствый век
Пели барышни романсы, пели так несовременно,
Безнадежно заблудившись в гимназической весне...

И сгорали, словно свечи, и кружили вечер вешний,
И баюкали гитару, как любимое дитя.
Залетевшие... Откуда?! Зачарованы нездешним
Дымным воздухом старинным с тонким ядом миндаля...

Что-то пело в узких горлах, что-то плакало такое
И рвалось лебяжьим стоном из протяжности груди...
Так в девическом обличье пели русские глаголы,
Опадая, словно розы, словно розы от любви...

И из этих жгучих музык в этот миг творилось чудо,
И лепились к сцене люди, словно к лампе мотыльки,
Где рыдало чье-то сердце, что все было... есть и будет
В белом бархате сирени, в черном бархате ночи!

Сутры об отношениях

Стеклярусный кабинет Китайского дворца в Ораниенбауме под Санкт-Петербургом, созданный в XVIII веке, считается шедевром мирового искусства...

Выписка из словаря

Лечу... В иллюминаторе луна на ущербе,
Стеклярусная, но в трещинах и нет полноты.
А вот солнце всегда такое огненное и щедрое...

И зачем только мы перешли на «ты»?

В нашем «Вы» не было никакой дистанции,
Только трепет и нежность и длящийся миг.
Ночи шествовали зеленоглазыми языческими красавицами,
А дни молитвами осеняли их.

Говорят, что нужно ценить настоящее,
А по мне «было», «будет» и «есть» – это один огненный шар!
Это как солнце ночью или за тучей, в ненастье.
Оно – Есмь! И в этом его божественная душа!

А любовь?.. Как поет в ней прошлое?
Откуда розы знают, как нежиться под лучом?
Почему в притворе глаз так медленны лошади,
Когда туман их кутает и поит речным молоком?..

Да, наша память живет от картины к картине...
Это как в Эрмитаже: зайдешь и уже утонул
В этих бликах, и тенях, и воздухе долгом и длинном,
Где память столетий торжественно несет караул...

И Вы же знаете, глазами в глаза –
это как бисеринки во дворце под Питером,
Как аллеи старинных лиц, замирая в касании губ...
Это маленький ангел смеется, а вы украдкой ресницы вытерли...
Прошлое – это соединенность вглубь!..

В нашем «Вы» и не было никакой дистанции:
Утонченность – особая статья тишины!
Просто в травах лежать, замереть, размечтаться,
Чем воздвигнется храм под названием «Мы»...

И Вы же знаете, будущее вышито синелью в Ораниенбауме,
И это Мы, легкие, как птичий полет!
Это послание стеклярусами из незримой воздушной ауры.
Будущее – это память вперед!

И это только зажмурившись и только привставши на цыпочки,
Ведь надежда возвышенна, и она самый воздух любви!
Это ее златошвейки вышивают что-то призрачное и дымчатое...
Будущее – это всегда на «Вы»!

И за гранью себя, и в сердечной святости,
Это там, где судьба еще гибка и огненна всякая мысль...
Это сны наяву, из тех, что нам вместе снятся!
Будущее – это соединенность ввысь!..

И поверьте, я так же ценю настоящее!
Я все еще мальчик в галерее огромных картин,
И к недописанному мне хочется добавить что-нибудь снящееся –
А вдруг оно сбудется в нашем «ты»!

Ведь, в конце концов, медленны лошади,
Розы нежной щекою припали на мрамор колонн...
Какое оно дымчатое и призрачное, это наше с тобою прошлое!
Господи, благослови этот сон!

Ты поверь мне, поверь, я очень ценю настоящее,
Только у него отчего-то истаяло будущее... Увы!..
Я люблю этот миг, уходящий и все еще длящийся...

Но все-таки жаль, что мы перешли на «ты»...

У нас дома сплошное ангельство,
А над детской кроваткой голубой свет!
Нас осеняет крошечное таинство,
Которому еще не исполнилось лет!

Которое еще не знает, что она девочка,
Которому удивительны собственные ямочки на руках,
Которое в своей пухлой телесной клеточке
Еще путается и не может освоиться никак.

Но зато она сама – живое послание
Из воздушного мира в мир видимых форм.
Она очень любит петь заклинания
Или мантры, созвучные мантре ОМ.

И это царство тонов и звуков
Описать невозможно мне.
Потому я и становлюсь прозрачным слухом,
Покоящимся в божественной чистоте.

Вот так я невольно и причащаюсь таинству
И, наверное, скоро приму воздушный обет,
Чтобы вечно свидетельствовать сплошное ангельство
И над человеческой колыбелькой голубой свет!

Девушка моей мечты

Я нашел девушку своей мечты!
У нее золотые локоны и огромные грустные глаза.
Ее тишина похожа на полнолуние,
А мысли почти лишены «я».
Ее «хочу» проистекают от желания любить,
А «нет» звучит как сочувствие.
Она одинока внутренней красотой,
И в этом одиночестве коренится любовь,
Подобно семечку живого цветка, занесенному
в пустынный край.
Она не совсем понимает границы между собой
и окружающим миром,
И в этом непонимании сквозит иная мудрость,
Неподвластная ни времени, ни словам.
Она сильна своим устремлением,
И то, что она хочет, свершается как бы само собой.
Мир входит в нее, как весеннее солнце,
Она – сама прозрачность, а жизнь для нее – это игра красок...
А разве может быть по-другому?
И потому, когда она радуется, она похожа на солнечного зайчика,
А когда плачет – тоже, потому что ее суть воздушна,
А облик – светел...
И она – девушка моей заветной мечты,
Точь-в-точь...
Это – моя дочь!

Анечке в облаках

Самолет, заурчав, уменьшается в точку,
В узком блюдце окон проплывают леса.
На лужайке стоит с белым зайчиком дочка,
В растопыренных пальчиках держа небеса.

А я парю в облаках – мне немножечко грустно,
И по этой причине планетная ширь
Голубой закатилась бусинкой
В уголок моей дальней, небесной души.

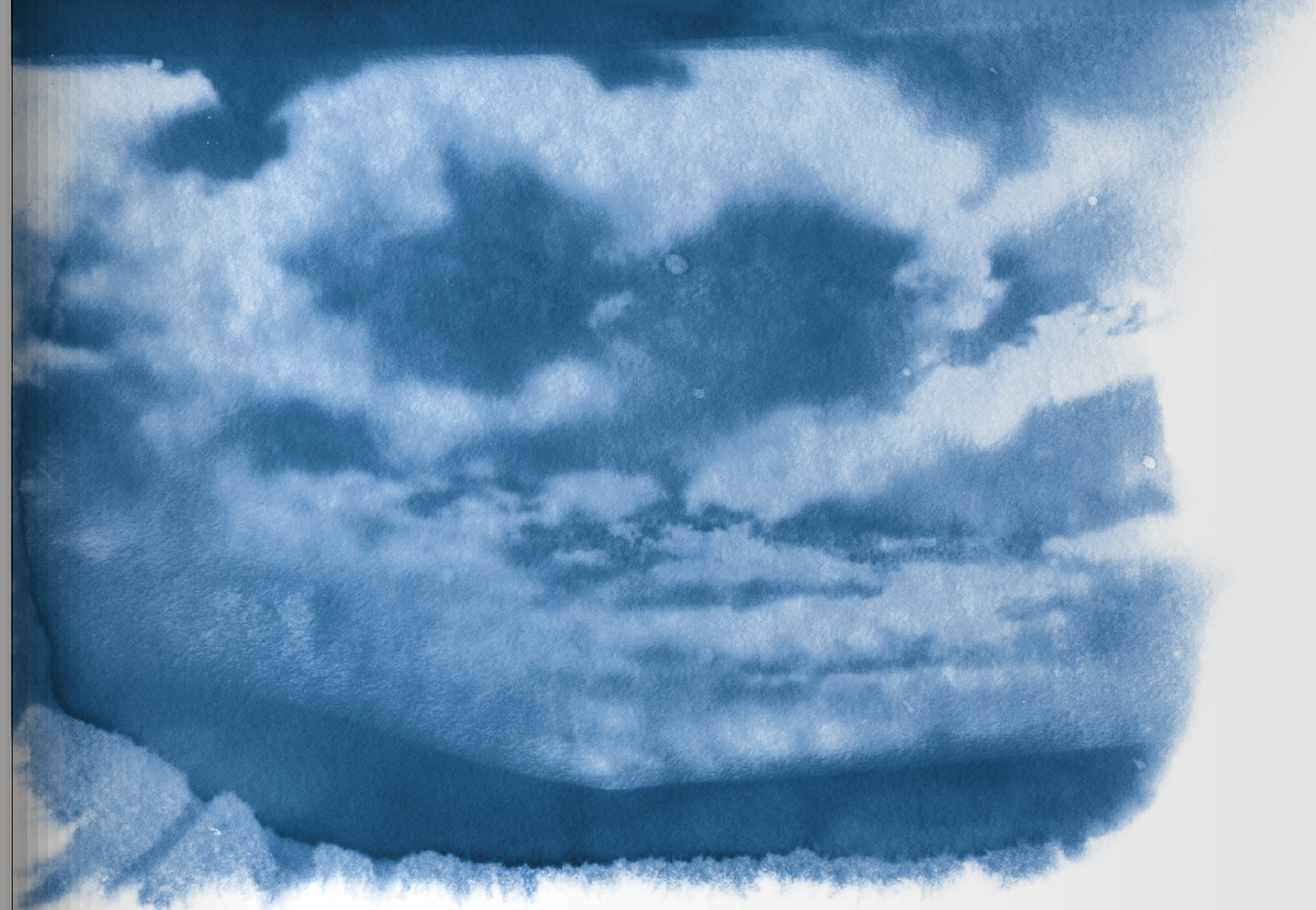
Здесь гощу я нечасто – гляжу удивленно я
Не зрачками, а взглядом старинных икон,
Необъятным объёмом то воздушно-огромное,
Переливающееся живое пространство ее.

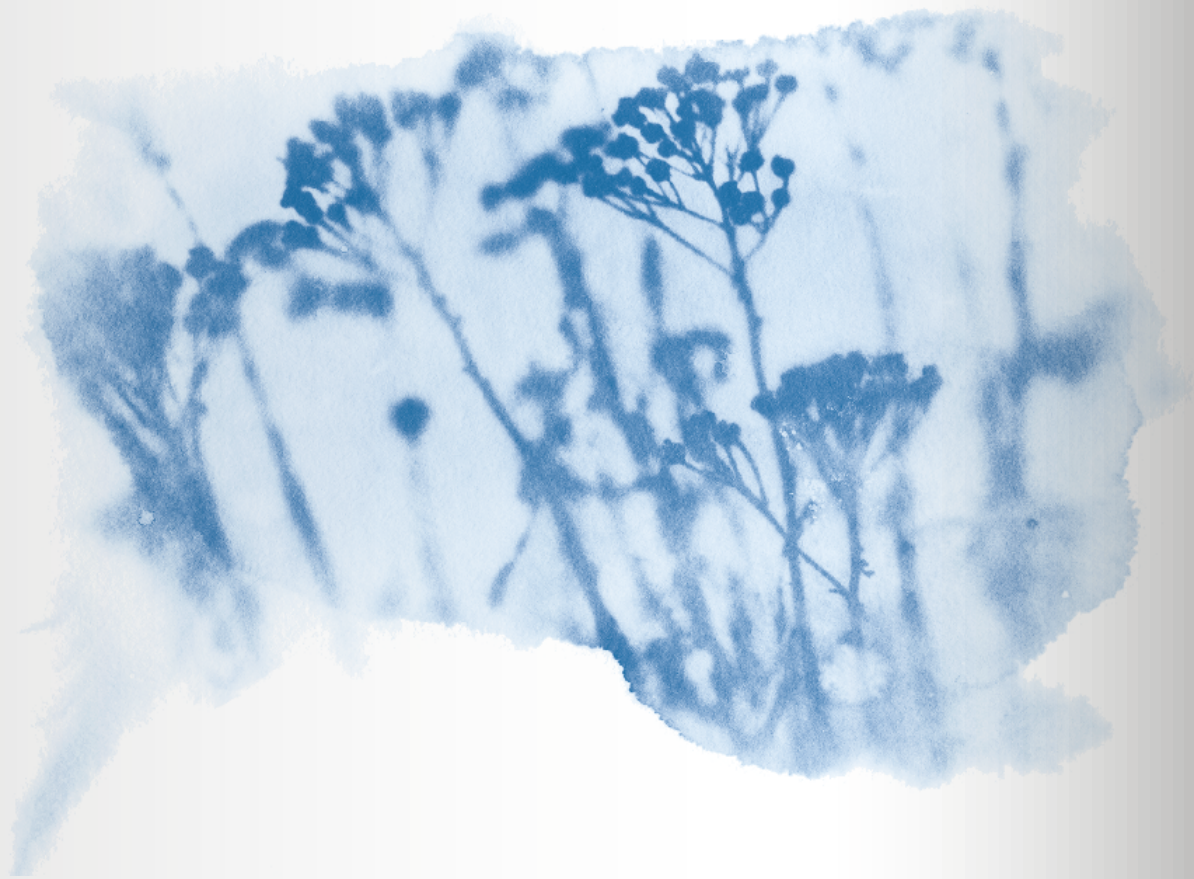
И здесь живут: белый заяц, и важные мелочи,
И еще голубые, как детство, глаза,
И, конечно же, маленькая золотоволосая девочка –
Может статься, что фея или даже судьба.

И я люблю эту фейскую девочку
Необыкновенной воздушною частью себя!
И записываю старательно в тетрадку в линейку,
Как плывут, и плывут, и плывут облака.

А у каждого облака – золотая каемочка,
Где кончается дым и трепещет Господь!
И мои в голубую линейку строчки
Удивительным образом ложатся в нее.

А оттуда глядит на меня это личико:
С голубым золотое, с золотым – голубой...
И огромное солнце, привставая на цыпочки,
Тянет тоненький луч – повстречаться со мной!

Элегия дочери

Надпись на книге «Поэтический дневник»

Когда-нибудь я допишу эту книгу,
Моя дорогая...
Мне видится, будто в конце вместо точки стоит запятая,
Стоит запятая!

Я искренне верю: стихи,
Что написаны мною,
Лишь оттиск живой, но едва уловимый, пространства иного,
Пространства иного!

Я слышал, вам жаль, ведь могли бы
Вы стать музыкантом.
Поверьте, что жизнь – это тоже аллегро и тоже анданте.
Аллегро... Анданте!

Так пусть дальний лёт этих строчек
Следят ваши взоры.
И в легкости время ну разве что с перышком спорит,
Лишь с перышком спорит!

А шепоты этих страниц
Пусть поют ваши губы.
И давний забытый аккорд пусть услышится вам и вовеки пребудет,
Вовеки пребудет!

А то, что живет между строчек...
О том знает сердце!
И там много места, моя дорогая, для ваших каденций,
Для ваших каденций...

Иллюстрации – Елена Квашнина

Дизайн – Ольга Кабисова

Редактор – Екатерина Божидай

Пре-пресс – Никита Панкевич

Корректор – Елена Эйдинова

Отпечатано в типографии «УП Принт»

Москва, 2013 год

© Александр Злобинский <http://azlb.ru>

